О ПРАВОСЛАВІИ

ВООБЩЕ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ПО ОТНОШЕНІЮ

КЪ СЛАВЯНСКИМЪ НАРОДАМЪ

Протоіерея Петра Смирнова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1893

7 93
37

Изъ журнала „Церковныя Вѣдомости“, издаваемаго при Святѣйшемъ Сунодѣ, 1893 г., № 8.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 18 февраля 1893 г.
Каѳедральный Протоіерей **Петръ Смирновъ.**

О ПРАВОСЛАВІИ

вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ.

Рѣчь, произнесенная въ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества 14-го февраля 1893 года.

Нынѣшній день Церковь совершаетъ торжество Православія. Предъ глазами возникаетъ длинная, восьмисотлѣтняя, великая борьба сперва за самую святую вѣру, а затѣмъ за правое ея исповѣданіе. Наконецъ, помощію Божіею, кровію мучениковъ и исповѣдниковъ, трудами и страданіями до крови святителей и учителей Церкви, достигнута славная побѣда, въ память которой и установленъ сей праздникъ.

Нынѣ же воспоминается въ Церкви блаженная кончина святаго Кирилла, первоучителя славянскаго. Проповѣдь православія, борьба за православіе, скорби и страданія за православіе—вотъ исторія всей его жизни, и на смертномъ одрѣ онъ молился, чтобы Господь сохранилъ собранное имъ стадо въ единомысліи и правомъ исповѣданіи вѣры.

Столь знаменательное совпаденіе церковныхъ воспоминаній указуетъ предметъ бесѣды о православіи и въ особенности по отношенію къ великой паствѣ святаго Кирилла—народамъ славянскимъ. Съ этой каѳедры уже не разъ говорилось на эту тему. Заявлялось и утверждалось, какъ нѣчто несомнѣнное, что православіе всегда имѣло самое благодѣтельное вліяніе на жизнь славянскихъ народовъ, что только подъ условіемъ православія она быстро и стройно развивалась, при чемъ проявлялись богатыя дарованія славянской природы, сохранялась самобытность славянскихъ племенъ и поддерживалось общеніе ихъ съ другими родственными племенами. Гдѣ же славяне измѣняли православію, тамъ чувствовался и чувствуется какой-то гнетъ на жизни народной, она задерживалась въ проявленіи своихъ силъ, даже совсѣмъ заглушалась, и вмѣсто единенія, свойственнаго дѣтямъ единой великой семьи славянской, возникали между родственными племенами гибельныя для нихъ распри, нестроенія, даже вражда. Но что такое православіе и почему оно имѣетъ такое благодѣтельное вліяніе на развитіе въ особенности славянскихъ народовъ, эти вопросы, кажется, еще не затрогивались. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на эти вопросы я рѣшаюсь предложить теперь вашему благосклонному вниманію.

Что такое православіе? Какая трудная и обширная тема! Можно ли исчерпать содержаніе этого преизобильно богатаго слова? Если хотя бѣглымъ взоромъ окинуть,— это область безпредѣльная.

Православіе—это не только правое исповѣданіе вѣры, но и правая жизнь. Съ точки зрѣнія православія иначе ставятся коренные вопросы жизни, чѣмъ подъ угломъ

зрѣнія иныхъ, хотябы также христіанскихъ, исповѣданій. Православіе, напримѣръ, отвергаетъ возникшее на почвѣ католичества ученіе о добродѣтели, какъ нѣкоей заслугѣ предъ Богомъ, которая въ спасеніи человѣка какъ бы только оплачивается, равно какъ и ученіе о сверхдолжныхъ дѣлахъ у святыхъ, которыя якобы можетъ совершить человѣкъ сверхъ того, что онъ долженъ сдѣлать ради своего спасенія, и которыя затѣмъ поступаютъ въ сокровищницу церкви для усвоенія другимъ нетрудившимся, отвергаетъ и протестантское ученіе объ оправданіи одною вѣрою, которое, послѣ долгихъ перетолкованій на западѣ, принесъ сюда въ Петербургъ лордъ, незванный апостолъ, и предложилъ въ понравившейся столь многимъ формѣ: «живи какъ хочешь, только вѣруй, и все тебѣ будетъ прощено», какъ будто чистый елей вѣры можетъ свѣтло горѣть въ переполненномъ нечистотами сосудѣ. Православіе не даетъ никакого послабленія грѣху и страсти, твердо и настойчиво требуетъ выраженія вѣры въ любви и добрыхъ дѣлахъ, прямо и ясно ставитъ вопросъ о добродѣтели, какъ долгѣ предъ Богомъ, котораго никогда человѣкъ не можетъ совершенно выполнить. Посему, сколько бы ни подвизался праведникъ въ дѣланіи добра, онъ почитаетъ себя, по слову Господню, рабомъ неключимымъ и, падая ницъ предъ Чашею жизни, искреннѣйше сознаетъ и называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ.

Православіе не только правая вѣра и жизнь, но и правильное, подобающее величію Бога, служеніе Ему. Иная обстановка православнаго храма, чѣмъ костела и кирхи, иные обряды, иное въ богослуженіи. Не будемъ входить въ подробности, укажемъ наиболѣе видимое и

слышимое. Предъ нами исполненные, какъ должно, образцы византійской иконописи, сравните ихъ съ самыми лучшими итальянскими, испанскими и другими образцами,—увидите разницу. Скажете о сихъ послѣднихъ: это восхитительно, прекрасно, а правда здѣсь: это какъ-то болѣе идетъ къ святынѣ храма, сообразнѣе съ духомъ молитвы. Посему изъ множества великихъ произведеній Запада православіемъ усвоены лишь весьма немногія, куда не приразилась земная страсть. Въ православныхъ храмахъ наиболѣе встрѣчаются напримѣръ изображеніе Богоматери (Сикстинская Мадонна) Рафаэля, или Тайной Вечери Леонардо-да-Винчи, не многія другія,—и надобно сознаться, что это въ произведеніяхъ церковной живописи Запада самое лучшее. Слышите величественные звуки органа, дивные переливы голосовъ въ хорѣ, чудныя музыкальныя произведенія пѣсненнаго искусства, и услышите древнимъ напѣвомъ исполненный догматикъ, наприм., «Всемірную славу», или «Кто Тебе не ублажитъ, Пресвятая Дѣво», или ирмосы, напр. «Глубины открылъ есть дно», или «Волною морскою», или, какъ сейчасъ слышали, «Помощникъ и Покровитель», и опять почувствуете разницу. Тамъ искусство все сдѣлало, что могло, и даетъ намъ минуты восторга, душа подъемлется, уносится куда-то далеко, далеко, уносится, и забываетъ человѣкъ, зачѣмъ пришелъ въ этотъ храмъ, и молитвы въ душѣ уже не стало; здѣсь умиляемся, потрясаемся до глубины души, падаемъ ницъ предъ Господомъ и молимся. Есть службы, подобныхъ которымъ нѣтъ въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, на которыхъ однакоже сами иновѣрцы чувствуютъ соприкосновеніе земли и неба: укажу для примѣра дивную пасхальную службу.

Православіе не только правое служеніе Богу и вѣрою, и жизнію, и обрядомъ, но и строгая соразмѣрность въ проявленіяхъ всѣхъ силъ души, въ стремленіи помысловъ и желаній, во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Это срединный золотой путь жизни, гдѣ чуднымъ образомъ сочетаваются и вѣра и разумъ, и страхъ и любовь, и послушаніе и свобода, гдѣ не по страху, а отъ сердца и свободно повинуются предержащимъ властямъ, гдѣ тяжкое бѣдствіе, попущенное Богомъ, переносится съ смиреніемъ и упованіемъ вѣры, гдѣ истинное геройство духа, ознаменованное побѣдами, умѣетъ искренно смириться предъ поставленною отъ Бога властію въ лицѣ притѣснителя-иноземца, нисколько не роняя при томъ своего достоинства, напротивъ, возбуждая къ себѣ даже въ необузданныхъ дикаряхъ невольную дань уваженія, какъ это видимъ въ жизни благовѣрнаго князя Александра Невскаго, гдѣ совершенно отрѣшившіеся отъ міра иноки, не оставляя пустыни, пріемлютъ самое живое участіе въ судьбахъ родной страны и дѣйственнѣе военачальниковъ помогаютъ ей въ борьбѣ со врагами, какъ это видимъ въ исторіи преподобнаго Сергія, гдѣ искреннѣйшая любовь и почтеніе къ Царю, Помазаннику Божію, соединяется съ безбоязненнымъ дерзновеніемъ сказать ему слово правды и даже суда духовнаго, какъ это видимъ въ жизни святаго митрополита Филиппа. Въ истинно-православномъ царствѣ не мыслимы ни гордо презорное преобладаніе высшихъ, ни преисполненный мрачной злобы пролетаріатъ. Читая теперь, что творилось и творится на Западѣ, до чего дошла наука въ своихъ отрицаніяхъ, искусство въ своихъ низменныхъ стремленіяхъ, до чего упала и какъ развратилась самая

власть, народомъ поставленная и извлекающая изъ него всѣ жизненные соки, невольно думается, что̀ если бы эти народы, владѣющіе такими богатыми средствами и природы, и науки, и искусства, жили и развивались въ духѣ православія? Увы! Отдаленная, т. е. основная, причина всѣхъ золъ, разъѣдающихъ Западъ, коренится въ отступленіи отъ православія!

Что же? не рисую ли я жизни идеальной? Какъ можно не только одному человѣку, но и цѣлому обществу идти прямою стезею, не уклоняясь въ сторону, когда въ жизни человѣческой столько бываетъ неотразимыхъ посторонніхъ вліяній, столкновеній, соблазновъ, искушеній, напастей, и всякъ человѣкъ, въ частности, *ложь есть* (Пс. 115, 2)? Да, православіе — идеалъ жизни. Идея православія — это звѣзда, сіяющая намъ съ высоты небесъ и освѣщающая путь жизни отъ колыбели до могилы и даже за могилой. Строгія требованія православія всегда возвышаются надъ жизнію, какъ нѣчто вполнѣ и всегда въ равной мѣрѣ недостижимое. Но, какъ ни строги сіи требованія, при помощи всесильной благодати Господней, насколько возможно при настоящемъ грѣховномъ состояніи, хотя не во всей должной мѣрѣ и не всегда одинаково, они выполняются не только въ жизни отдѣльныхъ людей, но и обществъ и цѣлыхъ народовъ, какъ это видно уже изъ указанныхъ сейчасъ примѣровъ. Со стороны каждаго человѣка въ отдѣльности требуется постоянное и неослабное наблюденіе, точно ли онъ идетъ путемъ Господнимъ, и неуклонное пользованіе тѣми благодатными средствами, которыя даны намъ для спасенія по великой милости Искупителя міра. Вотъ нѣкоторыя изъ

правилъ для жизни желающаго сохранить себя въ православіи. *Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской* (Мѳ. 16, 6). *Берегитесь лжепророковъ* (Мѳ. 17, 1). *Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они* (Іоан. 4, 1). *Все испытывайте, хорошаго держитесь* (Іоан. 5, 21). *Входите тѣсными вратами, потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе къ погибели* (ст. 13). *Кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобъ не упасть* (1 Кор. 10, 12) и др. Наблюдать, какимъ путемъ движется жизнь семейная и общественная — долгъ тѣхъ, кому Господь ввѣрилъ пасеніе Своихъ овецъ и управленіе народомъ. При постоянномъ бодрствованіи, при усиліяхъ къ исполненію закона Господня на всѣхъ путяхъ жизни, многіе не только соблюли себя въ православіи, но и заслужили почетнѣйшее въ Церкви наименованіе столповъ вѣры и Церкви. Что и цѣлые народы, при помощи Господа, могли и могутъ идти срединнымъ золотымъ путемъ православія, это показываютъ тѣ формы и типы жизни народной, въ которыхъ выразилась идея православія, и въ которыхъ человѣку, ревнующему о соблюденіи себя на пути правомъ, чувствуется такъ легко, удобно и пріятно. Ошибки и уклоненія неизбѣжны въ жизни человѣческой, но они исправляются покаяніемъ и обращеніемъ на путь правый, при непрестанномъ и ближайшемъ руководительствѣ свыше. *Невозможная у человѣковъ возможна суть отъ Бога* (Лук. 18, 28).

Такъ какъ идеалъ православія неизмѣримо высокъ и въ распоряженіи Верховнаго Главы Церкви—вся силы, яже къ животу и благочестію, то православіе не есть что либо остывшее въ своихъ формахъ, мертвенное, какъ лю-

бятъ говорить о немъ враги его, а непрестанно движущееся впередъ, вырабатывающее новыя и новыя формы для своего выраженія, но движущееся съ удивительною мѣрностію и стройностію, усвояющее себѣ изъ встрѣчающагося на пути матеріала (какъ мы замѣтили выше) лишь не многое, и при томъ самое лучшее. Ему не свойственны тѣ отчаянные прыжки, какіе, напримѣръ, сдѣлала на нашихъ глазахъ философія, превратившись изъ идеалистической въ матеріалистическую, отсюда въ пессимистическую, отсюда въ погибельнѣйшій нигилизмъ, отсюда ударившаяся въ туманный мистицизмъ и едва не кончающая обоготвореніемъ Будды. Нѣтъ: великая ладія Церкви православной, хотя и обуреваемая волнами, хотя по временамъ и наклоняемая въ ту или другую сторону изнемогающими въ силахъ и не всегда можетъ быть искусными гребцами, идетъ прямо и разсѣкаетъ страшныя волны, подъ управленіемъ своего Божественнаго Кормчаго. Жизнь православной Церкви не блеститъ открытіями и изобрѣтеніями, но что она вырабатываетъ на своемъ пути, остается жизненнымъ навсегда; а самое главное, несмотря ни на какія препятствія и невзгоды, Церковь неуклонно и неизмѣнно воспитываетъ чадъ своихъ въ вѣрѣ и благочестіи — къ наслѣдію царства небеснаго. Укажу нѣсколько примѣровъ. Борьба православія съ латинствомъ на западѣ создала новую форму защиты его— братства, и эта форма такъ проникласъ духомъ православія, что сдѣлалась, какъ мы будемъ имѣть удовольствіе сейчасъ услышать, однимъ изъ важныхъ пріобрѣтеній Церкви на всѣ времена. Преизобильно богата теперь православная Церковь богослужебными средствами—кано-

нами и молебствіями, но и наше время внесло въ эту богатую сокровищницу немалое. Для примѣра укажу на замѣчательно глубокое по своему содержанію и удивительно стройное по своему составу и расположенію, молебствіе, совершаемое послѣ литургіи въ день Рождества Христова. Скажу еще: нашъ вѣкъ будущій историкъ Церкви, можетъ быть, назоветъ, какъ это обычно было въ старинныхъ учебникахъ по Церковной исторіи, несчастнымъ, или тяжкимъ, или смутнымъ. Но въ этотъ несчастный и смутный вѣкъ православіе воспитало и за симъ навсегда имѣетъ предъ собою такого столпа вѣры и благочестія, какого приравнивать можно развѣ только къ великимъ святителямъ IV вѣка, называемаго по всей правдѣ свѣтоноснымъ, — разумѣю Московскаго святителя Филарета, или такого ревностнаго борца за вѣру и правду, какимъ былъ живопамятный и дорогой настоящему собранію святитель Никаноръ, въ которомъ чрезвычайно смѣлые полеты мысли и фантазіи уживались съ духомъ строгаго православія, и который скончаніемъ своего жительства, этою мужественною въ глазахъ всей Россіи борьбою съ смертію, показалъ, какою обладалъ онъ твердынею духа.

Въ православіи соединяются двѣ силы, чрезвычайно— т. е. высшею небесною помощію—благопріятствующія развитію силъ, каждаго-ли человѣка въ особенности, или цѣлаго племени и народа: первая—это сила освобождающая отъ разныхъ временныхъ и мѣстныхъ стѣсненій, вторая— сила сдерживающая, не позволяющая нашимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ разбрасываться и ведущая ихъ прямымъ путемъ къ достиженію предназначенныхъ цѣлей. Объясню свою мысль примѣромъ: предъ нами

блещущій роскошью католическій храмъ ьъ Италіи или Испаніи: такое разнообразіе цвѣтовъ и красокъ, столько великолѣпныхъ статуй, ласкающихъ, восхищающихъ взоръ, но вмѣстѣ видишь здѣсь и такъ много излишняго, ненужнаго для храма. Говорятъ: это могла произвести только роскошная фантазія юга. Входите въ грандіозный по размѣрамъ храмъ протестантскій: тамъ голыя стѣны, храмъ—точно классная аудиторія, сухо, скучно, тяжело... Здѣсь, говорятъ, высказался холодъ сѣвера. Въ Германіи даже можно провести черту, гдѣ кончается царство фантазіи въ католичествѣ и начинается соотвѣтствующая природѣ сѣвера разсудочность протестанства. Что-же значитъ столь сильное вліяніе на духъ человѣческій мѣстной природы? Не стоитъ-ли здѣсь въ зависимости свобода духа отъ плоти и крови? Въ комъ горячѣе кровь, выражается такъ служеніе Богу, въ комъ медленнѣе она вращается,—иначе. Православіе освобождаетъ духъ отъ этого своего рода гнета природы. Въ одной священнической молитвѣ о вѣрныхъ говорится: «Самъ Владыко съ небесе призри на подклонніія Тебѣ главы своя, не бо подклониша плоти и крови, но Тебѣ страшному Богу». Какъ ясно и живо въ этихъ словахъ выразилась идея православія! «Нѣтъ, какъ-бы такъ говоритъ іерей, у нихъ никакихъ земныхъ ни надеждъ, ни расчетовъ, ни увлеченій, ни пристрастій: всею силою души они желаютъ служить Тебѣ, единому Богу».—Православіе—правило жизни: оно не даетъ ей уклониться въ сторону, такъ чтобы, напримѣръ, чувство и фантазія взяли верхъ надъ разсудкомъ, или разсудочность подавила фантазію и чувство. Въ народахъ единовѣрныхъ могутъ и должны быть мѣстныя

особенности, въ которыхъ проявляется богатство природныхъ ихъ силъ и дарованій, но при этомъ никакъ не нарушается гармонія цѣлаго, и эти особенности никогда не прострутся до той радикальной противоположности, какую видимъ въ католичествѣ и протестантствѣ. Александрія, Константинополь, Кіевъ много южнѣе Москвы, Вологды, Архангельска и Соловковъ, но и тамъ и здѣсь едина вѣра и одинаково служеніе Богу.

До сихъ поръ мы описывали только проявленія и дѣйствія православія. Намъ виднѣлись только прекрасныя листья и плоды древа: гдѣ же корень дерева? Основа и доброй нравственности, и преизобильно богатаго молитвеннымъ духомъ богослуженія, и всѣхъ добрыхъ, и личныхъ, и семейныхъ, и общественныхъ, и общенародныхъ отношеній, это—чистая и правая вѣра: здѣсь корень всему. Такъ и должно быть: *свѣтильникъ тѣлу есть око.* Прежде всего должны быть просвѣщены истинною святою вѣрою очи ума и сердца: тогда человѣкъ будетъ и жить право, и какъ подобаетъ служить Богу, и установятся правильно всѣ жизненныя отношенія. Въ правой же вѣрѣ первое мѣсто и самое высшее значеніе принадлежитъ догмату.

Что такое догматъ? Это прежде всего истина, Богомъ откровенная, до которой никогда не могли бы домыслиться люди, каковы, напримѣръ, истины Откровенія о внутренней жизни Божества и отношеніяхъ Бога къ людямъ—тайна Пресвятыя Троицы, искупленія, воплощенія, евхаристіи и др. Догматъ затѣмъ есть опредѣленіе Церкви, которой Самимъ Господомъ предано собрать изъ сокровищницъ Откровенія Писанія и Преданія драгоцѣн-

ныя жемчужины этихъ великихъ истинъ, уяснить, на сколько возможно, опредѣлить ихъ, чтобы онѣ на всѣ времена и для всѣхъ людей были свѣточемъ вѣры и благочестія.

Въ этомъ то по преимуществу и состояла сила всемірной борьбы, увѣнчанной нынѣ празднуемою побѣдою православія. На эту борьбу вышло все, что было самаго лучшаго въ Церкви. Многочисленныя писанія отцевъ и учителей Церкви, изъ коихъ не всѣ еще и дошли до насъ, показываютъ, съ какою энергіею, при какихъ богатыхъ средствахъ ума и науки, разсматривались, уяснялись эти основныя истины вѣры. Никогда міръ не ставилъ вопросовъ болѣе живыхъ и глубокихъ. Всѣ они соединялись въ главнѣйшемъ вопросѣ: кто былъ сей дивный Мужъ, который явилъ намъ свѣтъ истины и далъ правила жизни: Богъ, или высшій ангелъ, или только совершеннѣйшій человѣкъ? Если Богъ, то какъ же Онъ вмѣстился въ человѣчествѣ, какъ могли существовать и дѣйствовать совмѣстно и Божеское всесовершенство, и человѣческая немощь? Всѣ слои христіанскаго общества были втянуты въ эту великую борьбу мысли и жизни, вся Церковь, если можно такъ выразиться, думала подъ невидимымъ осѣненіемъ Святаго Животворящаго Духа, а развивали, уясняли и возвѣщали правое ученіе пастыри Церкви. Наконецъ, послѣ долгой, напряженной, жгучей борьбы выяснялось истинное ученіе, которое въ краткихъ, ясныхъ, точныхъ словахъ и опредѣлялось на вселенскихъ соборахъ. Вселенскіе соборы полагали своего рода санкцію на уясненное многими и многими трудами и твердо обоснованное ученіе истины, послѣ чего

догматъ получалъ въ Церкви значеніе закона, строго обязательнаго для вѣры и жизни. *Аще же церковь* кто *преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17). Не новое что либо возвѣщалось Церковію, но тоже апостольское, древне-отеческое ученіе, только выясненное, опредѣленное и утвержденное навсегда. Послѣдняя борьба за иконы ставила на уясненіе и рѣшеніе важный вопросъ объ отношеніи внутренняго и внѣшняго богопочтенія въ самомъ человѣкѣ

Вотъ эти то основы вѣры Церковь въ особенности и старается укоренить и утвердить въ умахъ и сердцахъ чадъ своихъ въ нынѣшній свой день. Съ истиннымъ великимъ торжествомъ она возглашаетъ Символъ вѣры, опредѣленный на первыхъ двухъ вселенскихъ соборахъ. Здѣсь все необходимое для вѣры. Послѣдующіе соборы, въ виду возникавшихъ ересей, только еще яснѣе и опредѣленнѣе выражали ученіе, уже содержавшееся въ этомъ Символѣ. Затѣмъ она оглашаетъ своими отступниками не тѣхъ, кто преступаетъ правила нравственныя или каноны церковные — къ этимъ она долготерпитъ до послѣдней возможности, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе и исправленіе, — но тѣхъ, кто отрицаетъ бытіе Божіе и Промыслъ, духовность существа Божія и свойства Его, равносущіе и равночестность Сына Божія и Духа Святаго Богу Отцу, кто отвергаетъ необходимость пришествія на землю, страданій и смерти Сына Божія для спасенія людей, кто не пріемлетъ благодати искупленія, кто отвергаетъ Приснодѣвство Богоматери, кто не вѣруетъ, что Духъ Святый дѣйствовалъ чрезъ пророковъ и апостоловъ и нынѣ пребываетъ въ сердцахъ христіанъ и наставляетъ ихъ на

всякую истину, кто отрицаетъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ и вѣчное воздаяніе по дѣламъ, кто отметаетъ таинства, отвергаетъ соборы и ихъ преданія, не повинуется богоустановленной царской власти и, наконецъ, кто отметаетъ и хулитъ святыя иконы. Все это почти исключительно относится къ области догмата. Отверженіе этихъ догматовъ представляетъ въ отступникахъ Церкви сознательное и намѣренное противоборство внутреннимъ жизненнымъ ея началамъ, при чемъ сами собою разрываются и всѣ связи съ нею *). Впрочемъ, и этимъ отступникамъ вѣры она не окончательно еще закрываетъ свои двери; она матерински вопіетъ къ нимъ о раскаяніи и обращеніи; только смерть кладетъ предѣлъ раскаянію. Достойна всякаго вниманія, примѣчанія и памятованія эта настойчивость Церкви именно на соблюденіи нами правой вѣры и въ особенности ея догматовъ.

При мысли о значеніи собственно вѣры въ дѣлѣ православія и въ частности вѣры въ основные догматы христіанства, припоминается назидательный разсказъ изъ жизни одного подвижника. «Мы слышали», спрашиваютъ его, «что ты блудникъ и гордецъ». «Да, это правда», отвѣчаетъ онъ. «Ты пустословъ и клеветникъ». «Я», опять смиренно онъ отвѣтствуетъ. «Ты еретикъ».—«Нѣтъ, я не еретикъ, воскликнулъ онъ. Быть еретикомъ значитъ быть въ отлученіи отъ Бога; но быть отлученнымъ отъ Бога я не

*) Только одно великое нравственное правило и то въ его догматической основѣ о повиновеніи богоустановленной власти Церковь возвышаетъ наравнѣ съ догматами, по особенному значенію сего правила въ нравственной и общественной жизни ея членовъ и особенной зловредности противниковъ сей власти и развратителей общества.

хочу». Припоминается и еще изъ біографіи преосвященнаго Филарета, митрополита Кіевскаго, что онъ имѣлъ обыкновеніе весьма часто провѣрять себя по символическимъ книгамъ, не уклонилась ли мысль его въ чемъ либо отъ православія. Вотъ какъ заботились о сохраненіи себя въ правой вѣрѣ сами свѣтильники Церкви. Апостолъ отъ всѣхъ съ особою настойчивостію требуетъ: «испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы; самихъ себя изслѣдывайте» (2 Кор. 13, 5).

Итакъ, православіе въ основѣ своей есть, во-первыхъ, повиновеніе Богу, когда человѣкъ смиряетъ свой разумъ предъ высшимъ Откровеніемъ и пріемлетъ его вѣрою. Послушаніе сіе руководится мыслію: Господь Самъ сказалъ, что же я тутъ могу отъ себя прибавить? въ словахъ Господнихъ не можетъ быть ни ошибки, ни недомолвки; если чего ясно не открыто, намъ, во всякомъ случаѣ, не распознать. Послушаніе вѣры преисполнено чувствъ искреннѣйшаго благоговѣнія къ словамъ Господнимъ. Сказалъ Господь о Святомъ Духѣ: *иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26), мы и исповѣдуемъ вмѣстѣ съ Церковію: вѣрую и въ Духа Святаго.., *иже отъ Отца исходящаго*. Сказалъ Господь о Своей крови: *пійте отъ нея вси* (Мѳ. 26, 28). Чаша жизни и преподается всѣмъ и не только взрослымъ, но и младенцамъ. Во-вторыхъ, православіе есть послушаніе Церкви, когда мы не полагаемся на разумъ свой или другихъ людей въ истолкованіи богооткровеннаго ученія, а слушаемся ея гласа и ученія и всѣмъ сердцемъ ввѣряемъ себя ея водительству. Вмѣстѣ съ симъ и по сему самому православіе есть вѣрность ученію Апостоловъ и отцевъ Церкви, согласіе съ всею древ-

нею Церковію и единеніе съ нынѣ пребывающею и духовно-царствующею въ мірѣ Церковію вселенскою. Посему, провозгласивъ вселенскій Символъ вѣры, Церковь торжественно восклицаетъ: «Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди».

Возникаетъ рядъ вопросовъ, на которые, по необходимости, я ограничусь лишь краткими отвѣтами: какимъ образомъ высокая, непостижимая уму, повидимому столь отвлеченная отъ жизни, богословская истина можетъ имѣть такое преобладающее на жизнь вліяніе? Какъ съ этими, повидимому, узкими рамками, въ какихъ опредѣляется, напримѣръ, ученіе о двухъ естествахъ и двухъ воляхъ въ Лицѣ Богочеловѣка, можетъ уживаться свободный полетъ богословствующей мысли? Какимъ образомъ вѣрою въ высшія богословскія истины можетъ быть управляема жизнь такихъ людей, которые ихъ почти не знаютъ, всю жизнь пребываютъ въ совершенномъ невѣдѣніи объ этихъ схемахъ догматическаго ученія, а такихъ людей несмѣтное число? Многіе ли изъ самихъ образованныхъ людей, такъ называемой интеллигенціи, знаютъ и понимаютъ эти схемы?

Отвѣчаю на первый вопросъ. И въ обыкновенной жизни все зависитъ отъ установленія отношеній; скажемъ: это мой отецъ, это моя сестра, и уже сейчасъ и мнѣ, и всѣмъ понятно, въ какихъ я долженъ быть къ нимъ отношеніяхъ. И въ нравственно-религіозной жизни все направленіе ея зависитъ отъ уясненія въ нашей сердечной сферѣ мыслей, кто есть нашъ Творецъ и Искупитель. Догматическія истины лежатъ въ основѣ нравственнаго богословія, выразились въ жизни христіанской и

составляютъ глубочайшее содержаніе церковнаго богослуженія. Если низвести, или, вѣрнѣе сказать, возвести все ученіе вѣры и благочестія къ кореннымъ ихъ основамъ, таковыми будутъ богооткровенныя истины, или, иначе, догматы.

Отвѣтъ на второй вопросъ. Краткія и ясныя схемы догматическихъ опредѣленій никакъ не препятствуютъ свободѣ богословствующей мысли, напротивъ эта свобода только тогда и возможна, когда эти основы вѣры будутъ твердо и незыблемо поставлены. Выше было замѣчено, что въ великой умственной борьбѣ, когда уяснялись и опредѣлялись коренные вопросы вѣры, принимала участіе вся Церковь. Тогда присутствовавшіе въ храмахъ никакъ не бѣжали отъ проповѣди пастырей, напротивъ, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ выслушивали двухъ-или-трехчасовую бесѣду на глубокіе богословскіе вопросы. Это—добрая сторона дѣла, но оно имѣло и обратную сторону. Отцы жалуются на споры и препирательства, бывшіе въ ихъ время. «Если ты попросишь размѣнять себѣ драхму, говоритъ святый Григорій Нисскій, тебѣ отвѣчаютъ, что Сынъ отличается отъ Отца, потому что Онъ не рожденъ. Если спросишь о хлѣбѣ, тебѣ скажутъ: Отецъ больше, чѣмъ Сынъ. Если пожелаешь узнать, достаточно ли тепла баня, долженъ удовлетвориться увѣреніемъ, что Сынъ произошелъ изъ ничего. Во всѣхъ заурядныхъ мѣстахъ собраній—на рынкахъ, въ театрахъ, на пиршествахъ, даже въ мѣстахъ кутежа и распутства раздавались неумѣстныя рѣчи этихъ самозванныхъ догматистовъ» (Бесѣда о Божествѣ Сына и Святаго Духа). Ужели всегда должно быть такое время? И Церковь и

все человѣчество пріобрѣли великое успокоеніе въ томъ, что эти нѣкогда жгучіе вопросы рѣшены разъ навсегда. Много другихъ задачъ у Церкви. Опираясь на этихъ богооткровенныхъ, ясно и твердо опредѣленныхъ Церковію истинахъ, какъ растеніе на твердой и благопріятной почвѣ, богословская мысль свободно движется въ своей безпредѣльной области. И вотъ мы видимъ: только что стала приходить къ концу великая борьба Церкви за православіе, какъ уже является первый опытъ системы догматическаго богословія въ великомъ трудѣ святаго Іоанна Дамаскина. Глубоко-богословское ученіе о двухъ естествахъ, воляхъ и дѣйствіяхъ въ лицѣ Богочеловѣка, о великомъ достоинствѣ и приснодѣвствѣ Богоматери воплотилось въ разныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя такъ и называются—догматиками. Въ это же время явился дивный канонъ пасхальной утрени и много другихъ, изысканы и опредѣлены восемь гласовъ для церковнаго пѣнія. Работа богословской мысли неутомимо продолжается доселѣ. Только при твердомъ, непоступномъ охраненіи главныхъ истинъ вѣры съ другой стороны возможно и единеніе церквей какъ съ древнею, такъ и современныхъ между собою. На Западѣ только одно слово прибавлено къ Символу; но уже вѣра нарушена, связь съ Церковію вселенскою порвалась, открылась широкая дорога къ новымъ и новымъ прибавленіямъ и искаженіямъ, и дѣло на нашихъ глазахъ кончается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ совсѣмъ отвергаютъ вѣру и выносятъ изъ школъ иконы.

Отвѣтъ на третій вопросъ. Весьма полезно всѣмъ православнымъ христіанамъ знаніе вѣры. Необходимо,

чтобы это знаніе возвышалось по мѣрѣ общаго образованія. Православная Церковь никого изъ своихъ членовъ не лишаетъ права читать Библію для назиданія и утѣшенія, съ другой стороны никого не оставляетъ безпомощнымъ въ разумѣніи словесъ жизни, какъ напр. въ протестантствѣ: разумѣй-де, какъ хочешь, или вотъ предъ тобою сотня ученыхъ комментаріевъ на трудное библейское мѣсто, выбирай, какое больше нравится. Въ ученіи святыхъ Отцевъ и ученіи современныхъ пастырей, вполнѣ согласномъ съ ученіемъ древней Церкви,—замѣтимъ мимоходомъ, поразительно это согласіе въ ученіи Отцевъ разныхъ мѣстъ и временъ и ничтожное сравнительно количество такъ называемыхъ частныхъ мнѣній,—православная Церковь предлагаетъ надежное руководство въ пользованіи этимъ первымъ источникомъ вѣры, и не ея вина, если ея чада небрегутъ о своемъ просвѣщеніи. Невѣдѣніе истинной вѣры, безъ всякаго сомнѣнія, худо, но зло еще поправимо, если эти невѣдущіе сознаютъ свой недостатокъ и въ жизни своей водятся послушаніемъ Церкви вмѣстѣ съ младенцами вѣры. Въ Церкви есть разные способы спасительнаго воздѣйствія на души. Одинъ изъ таковыхъ—богослуженіе. Полное глубокаго богословскаго содержанія, совершаемое на языкѣ понятномъ и вмѣстѣ возвышенномъ надъ обыкновенною житейскою рѣчью народа, оно всегда было живою, дѣйственною, неумолкающею и повсемѣстною проповѣдію и восполняло для большинства вѣрующихъ недостатокъ богословскаго образованія. «Ничтоже тако творитъ обрадованну душу и жизнь, якоже въ церкви красованіе», пишетъ одинъ изъ нашихъ древнихъ отечественныхъ іерарховъ. «Въ церкви красованіе» —какое пре-

красное выраженіе! «Въ Церкви печальнымъ веселіе, труждающимся успокоеніе, насилуемыхъ отдохновеніе; Церковь брани разруши, рати утоли, бури утиши, бѣсы отгна, болѣзни уврачева, напасти отрази, небесныя двери отверзе, узы смертныя пресѣче, и яже свыше наносимая язвы и иже отъ человѣкъ навѣты, вся отъятъ и покой дарова» *). И такъ въ оградѣ Церкви можно и цѣлый вѣкъ прожить, и спасеніе получить, лишь бы только сохранить послушаніе ей.

Возвращаемся къ прежде высказанному положенію: главное въ православіи правая вѣра, главное въ вѣрѣ—догматъ, при этомъ—единеніе съ древнею и нынѣ пребывающею вселенскою Церковію. Все это отлично понимали приснопамятные святители и князья нашей Русской земли. Надобно удивляться той ясности умственнаго взора и той твердости и постоянству, съ какими они умѣли высоко держать знамя православія. При всѣхъ искушеніяхъ и напастяхъ со стороны иновѣрія, а таковыя были и отъ римскаго папы, и отъ польскихъ и шведскихъ королей, и отъ ливонскихъ рыцарей, и отъ Сорбонны, и отъ англиканъ, они прежде всего заботились о томъ, чтобы неизмѣнно сохранить единеніе съ древними восточными церквами и въ особенности Константинопольскою, отъ которой приняли мы святую вѣру. Шведскій король Магнусъ предложилъ Новгородскому владыкѣ Василію состязаніе о вѣрѣ. Святитель отказался спорить и указалъ сово-

*) Посл. Моск. Патр. Іосифа, см. Акты Арх. Эксп. т. III, стр. 403. См. сочиненіе протоіерея І. К. Яхонтова. „О православіи Россійской Церкви“. Собраніе духовно - литературныхъ трудовъ, т. 2, стр. 28.

проснику обратиться въ Константинополь къ патріарху. Мы отъ Грековъ, отвѣтилъ онъ Магнусу, приняли вѣру: желаемъ быть и всегда съ ними едино. Желаніе всячески сохранить единеніе съ православною греческою Церковію лежало въ основѣ великаго дѣла исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, совершеннаго патріархомъ Никономъ.

Если когда либо приходилось святителямъ нашимъ самимъ распутывать лжесплетенія еретическія, то они не пользовались, по выраженію князя Курбскаго, «*силлогизмами и софизматы поганскыми*» *), въ чемъ онъ упрекаетъ папистовъ, а прибѣгали къ писаніямъ святыхъ отцевъ и учителей Церкви **). По словамъ патріарха Іоакима, «не только писать или печатать что либо несогласное съ ученіемъ святыхъ отцевъ гибельно, но и помыслить объ этомъ странно и Восточныя Церкви чуждо» ***).

Что касается догматовъ, опредѣленныхъ на вселенскихъ соборахъ, то наши князья и святители хранили ихъ, какъ зеницу ока, какъ неприкосновенную святыню, и не позволяли измѣнить въ нихъ ни одной іоты или черты. Слишкомъ хорошо извѣстна исторія измѣнника православія на Флорентійскомъ соборѣ, митрополита Исидора. «Аще пойдеши и имаши паки возвратитися къ намъ», строго наказывалъ ему великій князь Василій Васильевичъ, «то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, юже пріяхомъ отъ прароди-

---

*) Заимствованными изъ языческой (paganus) философіи.

**) Сказаній ч. 2, стр. 179—у Яхонтова стр. 16.

***) Увѣтъ, лист. 257—тамъ же, стр. 17.

теля нашего великаго Владиміра, юже держитъ великая соборная и Апостольская церковь греческая, а ино странно и ново и чуже отъ тые соборныя церкви не приношай къ намъ, понеже аще и принесеши что ново, то не пріятно будетъ намъ то». И какъ скоро на Москвѣ сдѣлалась извѣстна измѣна Исидора, то соборъ іерарховъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, «воззрѣвше въ божественныя и священныя правила святыхъ Апостоловъ и богоносныхъ Отцевъ» и сличивши съ ними ученіе и поступки Исидора, свергъ его съ престола *). Были и въ древней русской Церкви самозванные учители, отъ которыхъ такъ страждемъ мы нынѣ. Наши іерархи спрашивали ихъ: «какими дверьми вошли вы на ступень проповѣданія? Какими вратами вступили на амвонъ учительства? Какъ возможно быть со Христомъ, когда не покоряетесь архіереямъ Его, о которыхъ Христосъ сказалъ то же, что и о Апостолахъ: «слушаяй васъ Мене слушаетъ; отметаяйся васъ Мене отметается» **).Слова патріарха Іоакима.

И такимъ образомъ, *опираясь,* по характерному выраженію князя Курбскаго, *на седмистолпныхъ догматахъ,* никоимъ образомъ *не приставая,* по его-же выраженію, *къ полувѣрію и къ новомысленной и хромой теологіи* ***), церковь россійская сохранила и сохраняетъ единство съ вселенскою Церковію, и воспитала народъ русскій въ православіи, провела его чрезъ всѣ испытанія и напасти непоколебленнымъ въ вѣрѣ, такъ что слово православный

*) Акты Археограф. Коммисс. т. I, стр. 73, у Яхонтова т. 2, стр. 15.
**) Увѣтъ стр. 270—у Яхонтова, стр. 21.
***) Яхонт. стр. 10.

стало какъ бы его собственнымъ именемъ. Ни на холодновѣжливое *господа,* ни на республиканское *граждане,* ни даже на слово «Русскіе» не откликнется народъ нашъ; скажете: *православные христіане,* и сейчасъ готовы вамъ его и слухъ, и вниманіе, и посильная жертва, и помощь доброму дѣлу, точно встаетъ предъ нимъ вся прожитая или, вѣрнѣе сказать, выстраданная Русью исторія.

Итакъ, православіе, при другихъ достоинствахъ и преимуществахъ, есть еще завѣтъ нашихъ предковъ, дорогое отъ нихъ наслѣдіе, которое мы должны сохранить и передать нашимъ дѣтямъ и потомкамъ.

Этого мало: православіе есть наше священное обязательство предъ Богомъ и Церковію. Блага искупленія и православія, по милости Господней, общее достояніе всѣхъ право вѣрующихъ, но есть у народовъ особыя миссіи и призванія. Такіе имѣющіе особыя призванія народы надѣляются и соотвѣтственными симъ призваніямъ дарованіями. Такимъ народомъ, особо избраннымъ, были евреи, удержавшіе вѣру среди всеобщаго идолопоклонства, сохранившіе ввѣренныя имъ словеса Божіи и давшіе Искупителю, среди нихъ явившемуся, первыхъ учениковъ и провозвѣстниковъ спасительнаго ученія. Таковъ былъ народъ греческій, подготовившій почву для воспринятія Евангелія и возвѣщенія его всему міру, гибкій, философски обработанный языкъ котораго такъ много послужилъ, между прочимъ, и къ точному и ясному опредѣленію догматовъ вѣры на вселенскихъ соборахъ. Особенное назначеніе славянъ въ Церкви открывается изъ того, что, 1) они призваны со всемірнаго торжища въ ограду Церкви именно тогда, когда православіе восторже-

ствовало надъ своими врагами. Славяне приняли это сокровище, когда оно блистало всею своею красотою, украшенное лаврами недавней побѣды. Это чувство красоты православія прекрасно выражено нашими предками въ словахъ о богослуженіи въ храмѣ святой Софіи: «мы не знали, гдѣ стояли—на небѣ или на землѣ». Эта струя жизни церковной—любовь къ красотѣ церковной—припомните выраженіе: ничто же такъ творитъ душу обрадованну, якоже въ церкви красованіе—влилась въ жизнь славянскую и составляетъ ея естественную стихію. 2) Особенное назначеніе славянъ видно изъ того, что они призваны въ Церковь именно тогда, когда началось отпаденіе Запада. Такимъ образомъ неизмѣнное сохраненіе православія для высшихъ цѣлей Провидѣнія, по отношенію, можетъ быть, и къ самому страждущему въ иновѣріи Западу, есть всемірно-историческое призваніе славянства, и неисполненіе сего призванія наказывается печатію отверженія. Если славяне не хранятъ ввѣреннаго имъ сокровища православія, то они не только лишаются этого сокровища, но ихъ видимо, въ назиданіе другихъ, постигаютъ судъ и наказаніе, какъ будто слышатся къ нимъ слова Господни безплодной смоковницѣ: *да не будетъ же впредь отъ тебя плода во вѣкъ.* Изумительна эта скорость обезличенія и вырожденія измѣнниковъ православія въ славянствѣ, будетъ-ли то частный человѣкъ, или цѣлое племя и даже народъ. Другая характеристическая черта измѣны славянства православію—ожесточенная ненависть къ православнымъ родичамъ. Славяне никакъ не могутъ, при измѣнѣ православію, удержаться въ безразличныхъ отношеніяхъ къ другимъ, вѣрнымъ православію, славянамъ. Нѣтъ:

они непремѣнно являются ихъ врагами и местниками. О вырожденіи славянства внѣ православія вотъ что пишетъ святитель Никаноръ въ извѣстномъ воззваніи къ славянамъ: «Посмотрите на этихъ славянъ итальянскихъ, они встарь приняли латинство, а гдѣ они теперь? И слѣдъ ихъ простылъ. Посмотрите на славянъ старо-германскихъ... Остались только славянскія наименованія урочищъ: Померанія, Одеръ или Одръ, Садовая, Кролевецъ». А вотъ и другая сторона. «Посмотрите на эту злосчастную Польшу—сколько она пролила славянской крови? Посмотрите на этихъ турецкихъ янычаръ, на албанскихъ, босній-скихъ, герцеговинскихъ беговъ. Потурченные славяне, сколько зла сдѣлали они славянству?» Эту печать отверженія въ измѣнникахъ православія, къ прискорбію, мы сами можемъ видѣть напримѣръ на тѣхъ природныхъ русскихъ крестьянахъ, которые совращены въ пашковскую секту: совсѣмъ другое обличье въ нихъ, и поступь, и манеры, скоро и одежду мѣняютъ, а въ душѣ они къ намъ, какъ говоритъ русская пословица, хуже злаго татарина. Оттого то—такой жгучій, такой страшный вопросъ о штундистахъ на югѣ Россіи! Въ двухъ—трехъ поколѣніяхъ они совсѣмъ могутъ выродиться, и югъ нашъ можетъ быть тѣмъ, что нынѣ Померанія, бывшее славянское поморье. Расколъ старообрядческій—зло и великое зло: но онъ не влечетъ вырожденія. Отчего? Вѣра не тронута. Отцы собора 1667 года вѣрно охарактеризовали его: простота и невѣжество, а не презорство и противленіе догмату.

Посему нельзя отнестись иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, къ тѣмъ доблестнымъ пасты-

рямъ славянства, которые охраняютъ его въ оградѣ православія.

Честь и хвала храброй Черногоріи, съумѣвшей въ теченіе вѣковъ сохранить во всей неприкосновенности отъ враговъ, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ, и православіе, и славянство, и доблестному Князю страны героевъ воздана по достоинству высокая честь въ глубокознаменательномъ наименованіи его отъ нашего великаго Монарха *единственнымъ другомъ Россіи.*

Дань глубочайшаго уваженія и искреннѣйшій привѣтъ тебѣ, доблестный первосвятитель Сербіи, исповѣдникъ, изгнанникъ и страдалецъ за дѣло православія! Послѣ столькихъ горькихъ испытаній, Господь даетъ тебѣ видѣть и свѣтлые дни возрожденія страны, ввѣренной твоему душепастырству. Да подастъ Господь тебѣ крѣпость и силу охранить отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ юнаго властителя Сербіи, какъ нѣкогда дано было это Промысломъ нашему святителю Алексію по отношенію къ герою Донскому!

Помоги Богъ вамъ, благочестивые іерархи болгарскіе, въ той самоотверженной борьбѣ, которую воздвигаете противъ враговъ православія и славянства, такъ жестоко терзающихъ несчастную страну вашу, и да прострется и надъ вами и надъ вашею паствою, какъ простирается на всѣхъ единовѣрныхъ славянъ, миръ и благословеніе общей родной нашей матери Церкви греческой!

Наконецъ, да позволено будетъ сказать нѣчто и изъ личныхъ воспоминаній, общихъ, впрочемъ, и вамъ, досточтимые слушатели. Да помянетъ Господь трудъ и болѣзнь, скорби и страданія знаменитаго сочлена нашего,

такъ недавно говорившаго съ этой самой каѳедры, отца протоіерея Іоанна Григоріевича Наумовича, о которомъ такъ горько плачетъ теперь бѣдная Русь Галицкая, и да воздастъ ему и всѣмъ ревнителямъ правой вѣры въ славянствѣ—тамъ, въ странѣ живыхъ,—Своею великою и богатою милостію!

Вознеся къ престолу Всевышняго послѣднюю свою о насъ молитву, святый Кириллъ сказалъ: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ“ и, тотчасъ-же послѣ словъ сихъ, предалъ духъ свой Господу. Это нѣчто свыше вдохновенное и пророчественное... Да исполнятся же надъ всѣми нами слова вѣры и упованія нашего святаго Первоучителя, да сохранитъ Господь великодаровитое славянство, молитвами его, въ православіи на вѣки, и да сокрушитъ зубы всѣхъ враговъ славянства видимыхъ и невидимыхъ! Буди сіе, буди!

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

КНИГИ

Протоіерея Петра Смирнова.

«Слова и рѣчи»—двѣ части: въ первой части собраны въ особенности слова, говоренныя по назначенію, во второй краткія поученія, говоренныя въ приходской церкви въ воскресные и праздничные дни и по разнымъ случаямъ приходской жизни. Двѣ части, цѣна 2 руб. сер. Продаются и отдѣльно, каждая часть по 1 руб. сер.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ:

Исторія христіанской православной церкви курсъ V и VI класса гимназій, цѣна 1 руб. сер.

Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта—въ объемѣ курса гимназій и реальныхъ училищъ. Двѣ книги цѣна 1-й (Ветхозавѣтной) 2-й (Новозавѣтной) 40 к. Въ первой двѣ карты и нѣсколько рисунковъ.

«Изложеніе вѣры» и «Ученіе о любви христіанской»—дополнительный курсъ къ Катихизису въ видѣ краткаго общедоступнаго Богословія. Двѣ книги, цѣна каждой 60 коп.

О Законѣ Божіемъ и Заповѣдяхъ—изложеніе ученія объ обязанностяхъ христіанина по руководству православнаго Катихизиса. Цѣна 40 к.

Краткая Церковная исторія—по программѣ городскихъ училищъ, цѣна 30 к.

Наставленіе въ Законѣ Божіемъ—учебникъ для церковно-приходскихъ школъ и народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цѣна 20 к.

Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи Церкви. *Учебникъ* для двух-классныхъ церковно-приходскихъ школъ, цѣна 15 к.

Начальные уроки по Закону Божію. Цѣна 5 к.

Учебныя книги одобрены для класснаго употребленія.

Церковно-приходская школа—упадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи. Цѣна 20 к.

БРОШЮРЫ:

О Богѣ, какъ высочайшемъ Духѣ—два богословскихъ чтенія въ залѣ Московской Городской Думы. Цѣна 25 к.

О Церкви—Цѣна 10 к

Страхъ Божій—основаніе добраго воспитанія. Цѣна 5 к.

Великія истины, Божественною клятвою запечатлѣнныя. Ц. 5 к.

Чудеса въ древнее и наше время. Цѣна 5 к.

Объ истинныхъ и ложныхъ чудесахъ нашего времени. Ц. 5 к.

О православіи вообще и по отношенію къ Славянскимъ народамъ. Цѣна 10 к.

Складъ всѣхъ учебныхъ книгъ Протоіерея Смирнова—въ книжныхъ магазинахъ Владиміра Васильевича **Думнова**, торгующаго подъ фирмою Наслѣдниковъ Братьевъ Салаевыхъ, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ домѣ Обидиной, въ С.-Петербургѣ по Екатерининскому каналу, близъ Невскаго проспекта, въ домѣ № 19-й. **«Слова и Рѣчи»** продаются у С.-Петербургскаго книгопродавца Игнатія Лукьяновича **Тузова** (Большая Садовая близъ Невскаго, домъ Коровина, № 16), у котораго продаются также и всѣ вышеуказанныя книги. Требованія книгъ могутъ быть направляемыя и къ самому **автору** (Спб., по Конногвардейскому бульвару, домъ причта Исаакіевскаго собора, № 5), который передастъ ихъ по принадлежности.

